

ГЛАВА 14

Мир, который создала Библия

Окончательный результат

Является ли Библия чем-то большим, чем суммой ее частей? Конечно.

Смешение разных историй, законов, стихов, и точек зрения создало то, о чем никто из авторов и не мечтал.

Автор Е создал историю о том, как Авраам почти совершил жертвоприношение своего сына Исаака – одну из самых известных, интригующих и тревожных историй в Библии. Это история о том, что Авраам был настолько предан воле Бога, что он даже приготовился принести в жертву своего сына. Божественное вмешательство останавливает его и в последний момент спасает жизнь Исаака.

Автор Р, возможно, 100 лет спустя, написал историю о покупке Авраамом пещеры Махпела. Авраам покупает пещеру в качестве семейного погребального участка, потому что его жена Сарра умерла.

Редактор примерно 200 лет спустя поместил рассказ о смерти Сарры и приобретения пещеры сразу после истории жертвоприношения Исаака. Жертвоприношение Исаака в Бытие 22 – смерть Сарры в Бытие 23.

С тех пор толкователи предполагают, что причиной смерти Сарры могло стать то, что она увидела, что ее сын принесен в жертву, и она умерла от горя. Это не входило в планы ни человека, написавшего Е, ни того человека, который написал Р. Возможно, даже редактор не имел такого намерения.¹ Но это работает. Простое сопоставление двух текстов добавило еще один человеческий фактор в этой истории. Психологически это переводит на новый уровень. Это открыло новые возможности для интерпретации. Это породило новые вопросы и предложило новые ответы.

Есть сотни, возможно, тысячи примеров таких новых элементов и идей, появившихся вследствие смешивания источников: новые повороты в истории, новые психологические уровни, а также новые возможности для толкования. Мы еще только

начали поминать влияние на чрезвычайную историю Библии того пути, которым она появилась.

Самым удивительным из всего этого является то, что история повлияла на описание Библии взаимоотношений между Богом и человечеством.

По образу и подобию Божьему

В истории творения в Бытие 1 Бог создает людей – мужчину и женщину – по своему подобию. Значение "*по образу и подобию Божию*" является неопределенным. Означает ли это физическое подобие – что Бог имеет лицо и тело, похожие на наши? Или духовное подобие? Или интеллектуальное подобие? Однако, что бы это ни значило, мы можем сказать то, как минимум, что Библия изображает людей причастными каким-то образом к божественному, а животных – нет. Существует нечто божественное в людях, и это нечто имеет ключевое значение для событий в Эдеме при творении.

Людям запрещено есть плоды дерева познания добра и зла. Змей убеждает их съесть в любом случае. Что такого говорит змей, чем заставляет людей это сделать? Он говорит женщине, что если они съедят с дерева, то *«вы будете, как Бог ...»*² В этот момент на языке Библии этот довод не распространялся бы на зверя, птицу или рыбу, потому что они не причастны к божественному. Только люди созданы по образу Божию и, таким образом, люди будут стремиться к божественному. Создание по образу и подобию Божию в Бытие 1, таким образом, имеет ключевое значение для понимания того, что люди делают в Эдеме в Бытие 3.

Но Бытие 1 и Бытие 3 принадлежат двум разным людям. История Эдема взята из J, который никогда не утверждает, что люди созданы по образу и подобию Божьему. А рассказ творения взят из P, который никогда не подразумевал могущественные растения или говорящих змей. Редактор включил обе истории целиком, поэтому мы не можем сказать, знал он или нет, насколько изысканным получилось это слияние двух историй.

Объединение здесь J и P создало нечто большее, чем сумму частей. История теперь стала богаче с новыми возможностями для толкования. Это демонстрирует действия людей в Эдеме в новом свете. Бог создает их в божественном облике и затем запрещает им есть плоды, привлекательность которых заключается в наделении божественной

силой. Он только делится некоторыми божественными качествами с людьми, а в дальнейшем он обращается с ними как с подчиненными. Он приказывает им управлять другими созданиями, и затем общается с ними исключительно с помощью приказов. Эпизод так крепко направляет людей к неповиновению, что для любого читателя, вероятно, никогда не станет неожиданностью то, что, когда люди подстрекаемы известием: *"когда вы попробуете из дерева, вы будете, как Бог"*, они попробуют плоды.

Как выразился Марк Твен, *«Если Господь не хотел, чтобы они восстали, почему он их создал по своему подобию?»*

Это только один способ понимания текста. Существует сотня других возможных толкований, некоторые более благоговейны, а некоторые более циничны. И это только один случай. Смешивание источников в один текст обогатило возможности толкования Библии на все времена.

Космогонический и личностный

Объединение источников создало нечто большее, чем простое влияние отдельных библейских сюжетов. Это повлияло на библейскую концепцию Бога.

J, E и D изображают Бога очень личностным образом: передвигающимся по земле, принимающим видимые формы, участвующим в дискуссии и даже полемизирующим с людьми. Концепция P – это более космогоническое, трансцендентное божество.

История миротворения P начинается с создания космических структур: света и тьмы, дня и ночи, моря и суши, "небосвода" и небесных тел. История миротворения J без преувеличения является более приземленной. Она начинается с создания всевозможной растительности, последующего творения людей, растений и животных без отдельного упоминания света и тьмы, небесных тел и даже моря.

В своих собственных терминах P – это история о «небесах и земле», история J – о «земле и небесах».

История потопа P является вселенским кризисом: окна небесные и источники бездны отворились. Вода, находящаяся над твердью, проливается вниз. Вода, которая находится ниже поверхности Земли, устремляется ввысь. Населенная часть Вселенной –

это воздушный пузырь, окруженный водой, а нависшие воды рвутся внутрь него сверху и снизу. Между тем, история потопа J – это просто 40 дней и 40 ночей ливня.

В историях P миротворения и потопа Бог остается вверху и вдали, управляя людьми и природой и контролируя их. В рассказе J Яхве лично прогуливается в Эдемском саду, делает первую одежду людей, закрывает ковчег, обоняет жертву Ноя.

В рассказе E о Моисее, ударяющем скалу в Мериве, Бог самолично стоит на скале. В версии P этой истории – нет. В рассказе J о горе Синай Бог лично спускается на гору в огне.³ В P – нет.⁴

В J и E Моисей в реальности видит Бога.⁵ В P – нет. В J Авраам защищает перед Богом от гибели города Содом и Гоморра,⁶ а Моисей защищает перед Богом от гибели народ в истории о разведчиках.⁷ А также и в E Моисей защищает от гибели народ в истории о золотом тельце, а потом он страстно и убедительно беседует с Богом «как говорит кто с другом своим».⁸ Он может даже сказать самому Богу: «для чего Ты мучишь раба Твоего» и «когда Ты так поступаешь со мною, то [лучше] умертви меня».⁹ В D Моисей молит Бога позволить ему жить, чтобы прибыть в землю обетованную, но Бог отказывает.¹⁰ P никогда не показывает людей, которые общаются с Богом с такой близостью.

В P Бог является более трансцендентным, более отдаленным. Он приказывает, и его воля выполняется.¹¹

В то же время в D Моисей говорит народу:

11 Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека;

12 она не на небе, чтобы можно [было] говорить: "кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?"

13 и не за морем она, чтобы можно [было] говорить: "кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?"

14 но весьма близко к тебе слово сие: [оно] в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его.¹²

Чтобы не преувеличивать, необходимо отметить, что и в Р Бог иногда изображается личностным, а иногда он также и в J, E и D изображается трансцендентным. Но общая разница по-прежнему вопиющая и глубокая. Когда редактор объединил все источники, он смешал два разных образа Бога.

Тем самым он сформировал новое равновесие между личностным и трансцендентным свойствами божества. Это было изображение Бога как универсальным, так и глубоко личностным. Яхве был создателем космоса, а также и "Богом отца вашего". Слияние было художественно драматичным и теологически глубоким, но оно тоже было начиненным новыми противоречиями. Теперь это было изображением человеческих существ, вступающих в тесный личностный диалог с всемогущим властелином Вселенной.

Это было равновесие, к которому ни один из отдельных авторов не стремился. Но это равновесие, преднамеренное или нет, стало основой иудаизма и христианства. С тех пор обе религии, словно Яков в Пенуэле, жили и боролись с космогоническим, но, тем не менее, личностным божеством. Это относится и к самому изощренному в софистике богослову, и к обычному верующему. Последние вещи поставлены на карту, но каждому человеческому существу говорится: «Властелин вселенной беспокоится о тебе». Замечательная идея. Но, опять же, это не входило в планы кого-либо из авторов. Наверное, это не был даже замыслом и редактора. Это было настолько укоренившееся в текстах, что редактор не мог создавать новую смесь до тех пор, пока он не доверился во всем своим источникам.

Правосудие и милосердие

Был еще один, даже еще более парадоксальный результат объединения источников. Он создал новую динамику отношений между правосудием Яхве и его милостью.

Напомним, что Р ни разу не использует слово "милосердие". Он также никогда не использует слова "благодать" или "покаяние". Он никогда не упоминает верность Яхве. Жрец, который написал его, скорее, подчеркивал божественный аспект правосудия. То

есть, вы получите то, что заслуживаете. Послушание вознаграждается. Вина наказывается. Не существует упования на милость божественного судьи.

Ј и Е практически противоположны ему. Они подчеркивают аспект Божьего Милосердия. Вина может быть прощена через покаяние. Бог милостив и великодушно верен своему завещанию. В описании Ј основного человеческого познания божественного, когда Моисей действительно видит Бога на Синае, Бог провозглашает, что он:

*Яхве, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный*¹³

Эти слова, которые ни разу не упоминает Р, встречаются около 70 раз в Ј, Е и D.

Дело не только в лексике. Ј, Е и D также развивают идею милосердного божества, благодаря историям они говорят гораздо больше, чем Р. В рассказе Е о золотом тельце Бог впервые заявляет, что он уничтожит весь народ и создаст вместо них новых людей, потомков Моисея. Но Моисей воззвал к милосердию Яхве, и божество смягчается.¹⁴ В истории о разведчиках Ј происходит то же самое. Яхве говорит, что он уничтожит народ и начнет заново с Моисеем. Моисей вновь обращается к его сочувствию, и он снова смягчается.¹⁵

Автор Р отклонил такое изображение Бога. В его версии истории о разведчиках Яхве решает судьбы людей, и нет дополнительной мольбы Моисея.

Опять же, было бы ошибкой так безусловно проводить линию между источниками. Ј, Е и D иногда могут изображать Бога, действующего в строгом соответствии с правосудием, а Р может изображать его милосердие. Но в целом разница между ними очевидна и драматична. Р сосредоточивает внимание в первую очередь на божественном правосудии. Другие источники концентрируют основное внимание на божественном милосердии.

А редактор объединил их. Когда он сделал это, он создал новую формулу, правосудие и милосердие стали сбалансированными, какими они никогда не были раньше. Они стали более близкими, чем в любом из исходных текстов. Бог одинаково

справедливый и милосердный, яростный и сочувственный, требовательный и снисходительный. Это стало мощным противоречием Бога Библии. Это была новая и чрезвычайно сложная формула. Но это была формула, которая стала важной частью иудаизма и христианства на два с половиной тысячелетия.

Баланс правосудия и милосердия является психологически и теологически более заряженным, чем космогоническо-личностный баланс. Существует постоянное противоречие в Яхве между его правосудием и милосердием. Они не являются легко совместимыми. Когда одна сторона может преобладать, а когда другая?

Каждому, кто когда-либо был отцом или ребенком, знакома эта проблема. Отец говорит: "Если ты сделаешь это, то будешь наказан". Но ребенок делает это. И тогда отец должен решить, что делать. Правосудие говорит – наказывать. Но также есть и сочувствие. В большинстве семей между двумя чувствами развивается равновесие – равновесие, в котором иногда преобладает дисциплина, а иногда прощение. Наверное, мало кто из родителей может назвать все факторы, которые заставляют их решать определенным образом в одном случае, и иным образом – в другом. Не в последнюю очередь к противоречивым факторам относятся эмоции гнева и любви.

В комбинированном библейском тексте Бог разрывается как любой любящий отец. Он заключает завет с людьми и договаривается о его условиях. Когда они нарушают условия, его немедленной справедливой реакцией может быть что угодно – от расторжения завета до исполнения какого-либо ужасного пункта из перечня проклятий в Левит 26 и Второзаконии 28. Но милосердие почти всегда задерживает и/или смягчает выполнение его правосудия.

Часто повторяющееся изображение "ветхозаветного Бога правосудия и гнева" всегда было только половиной реальной картины. Это как если бы те, кто говорят это, читали только Р, а не остальные тексты. По иронии судьбы этот образ обычно представляется основанным на правовом принципе "око за око и зуб за зуб".¹⁶ Но этот принцип относится к человеческому правосудию. В библейском писании божество почти всегда действует более сочувственно.

И вот две религии развились вокруг Библии, которая изобразила Бога как любящего и верного, но иногда разгневанного отца. В какой мере этот образ делает Библию более реальной для читателей, до такой степени редактор был более успешным,

чем, возможно, он даже надеялся быть. В этой степени противоречие в отношениях между Божьими праводудием и милосердием само по себе стало важным фактором в библейском повествовании, в этом смысле Библия, опять же, является чем-то большим, чем суммой её частей.

В подлинном смысле слова Библия является более величественной, чем личности, которые ее написали.

Синтез

И поэтому мы, в некотором смысле, прошли полный цикл обратно к рассмотрению Библии в целом. Это, пожалуй, то, чего не хватает до сих пор большинству исследований об авторах Библии. Неоднократно это бывает разрыванием без последующего совмещения вместе. В частности возможно потому, что такого рода анализ является оскорбительным для верующих христиан и иудеев. Долгое время казалось, что целью этой инициативы было взять Библию по отдельности и дойти до многочисленных отрезков. Возможно, это были те пределы, до которых эта инициатива могла дойти на ранних стадиях. Тем не менее, сейчас мы находимся в той точке, в которой наши открытия относительно происхождения Библии могут означать более глубокое понимание и признательность Библии в своем окончательном развитом виде.

Мы прошли значительное расстояние от ранних намеков средневековых ученых. То, что начиналось как интерес к некоторым загадочным отрывкам Пятикнижия Моисея, привело к предположению, что некоторые сюжетные линии этих книг не принадлежат Моисею лично. После этого было сделано предположение, что большие части текста принадлежали кому-то другому, а не Моисею. Затем исследователи выделили несколько отдельных непрерывных произведений и выделили их по особенностям языка и содержанию. И тогда мы начали совершенствовать нашу методологию идентификации каждого из этих произведений и начали наблюдать за процессом формирования Библии.

Как следствие продвижения исследований в этом направлении, в области археологии и в нашем понимании социальной и политической истории библейского мира были сделаны новые прорывы. Именно в результате сочетания того, о чем мы

узнали из этих литературных и исторических источников, мы пришли к представленной здесь картине – картине формирования Библии, которая неотделима от истории мира своих писателей. Именно в контексте разделенного царства Израиля и Иудеи, где мы находим двух писателей, смоделировавших две версии истории своего народа J и E. Каждая версия была тесно связана с жизнью общества, из которого она происходила: одна из Израиля, от защитника интересов жреческой фамилии из Силома и, возможно, потомка Моисея, и одна – из Иудеи, от защитника интересов царского дома Давида. Именно в контексте падения царства израильтян и воссоединением разделенных народов, которые мы находим, кто-то объединяет две версии, создавая единую историю, которая могла бы служить воссоединенному обществу.

Кроме того, я считаю, что мы находим исторический контекст жреческого произведения в эпоху царя Езекии. Это была эпоха, в которую было основано деление жрецов по статусу, со жрецами-ааронидами, наслаждавшимися привилегированным положением. Произведение жрецов P было жреческой альтернативой произведению JE, отражающему отличную, часто враждебную точку зрения на Бога, на историю, и особенно по отношению к их предку Аарону.

Их оппоненты в жреческом сословии, жрецы-силомиты (жители Силома, возможно, мушиты), в свою очередь, дождались своего времени в эпоху царя Иосии. Это было время, когда свод законов, хранившийся у них, был одобрен царской властью как книга Закона (D). Защитник этого жречества, Иеремия или, возможно, Варух, смоделировал историю, которая вытекала от Моисея и этого свода законов до собственного исторического времени писателя (Dtr¹). Смерть Иосии и падение царства заставили автора подготовить новое издание истории, принимая во внимание новые катастрофические исторические обстоятельства (Dtr²).

Объединение этих частей в непрерывное повествование, «Первую Библию», также можно найти в историческом контексте отражения жизни общества, возвращающегося из ссылки, с нетерпением ждущего восстановления своей страны, своего места и способа поклонения. Это было время, когда все части стали слишком хорошо известны, чтобы игнорировать их. Писец, который был ответственный за эту редакцию (R), и которого я отождествляю с Ездрой, был сторонником жрецов-ааронидов, которые в то время выросли до лидирующего положения. Он был чувствителен к их проблемам и

положению своего народа в целом в то время. Он сохранил их ценные произведения в форме, которая могла быть принята в течение тысячелетий, и которая могла быть тем контекстом, в котором могли быть понятными другие священные тексты.

Таким образом, Библия является синтезом истории и литературы, иногда гармоничным, а иногда и противоречивым, но абсолютно нераздельным. И я думаю, восстановление большей части этой истории и оценки этого синтеза происходит сейчас, спустя столетия, в конце концов на наших глазах.

Откуда и куда

Что же нам делать с этим знанием?

До сих пор поиск тех, кто написал Библию, происходил главным образом в области изучения истории. По большей части исследователи были заинтересованы в истории религии, истории Израиля или истории формирования самой Библии.

Те, кто пишут о Библии как о литературе, и те, кто был заинтересован в религиозном изучении Библии, т.е. Библии как священной литературы, редко используют эти знания. Частично это было обусловлено осознанием того, что такой анализ может быть угрожающим для религии. Кроме того, это было связано с тем, что анализ был неполным. Существовали большие пробелы в наших знаниях об авторах: когда они жили, почему они писали, связь между тем, что они написали, и событиями их мира.

Но ситуация изменилась. В действительности угроза религии никогда не материализовалась. Велльгаузен сказал, что он отказался от преподавания студентам этого раздела теологии, потому что он «делает их непригодными для их службы». Но опыт последующих поколений наглядно доказал, что он ошибался. Многие (видимо большинство) протестантского, католического и еврейского духовенства в настоящее время изучает и преподает эту тему уже более века, и им удалось примирить ее со своими верованиями и традициями.

Зёрна этого примирения были посеяны во времена ранних исследователей. Проще говоря, вопрос никогда не стоял так – «Кто вдохновил Библию?» Или «Кто открыл Библию?» Речь шла только о том, какие именно люди действительно составили ее.

Делали ли они это под божественным руководством, диктовкой или вдохновением, всегда было предметом веры. Йосеф бен Элиэзер Бонфилс, возможно первый еврейский ученый, кто прямо сказал о стихах Торы: "Моисей не писал этого", высказался на этот счет 600 лет назад. Он сказал:

... поскольку мы верим в слова откровения и слова пророчества, какая мне разница, Моисей написал это или другой пророк, потому что все слова в ней правдивые и полученные через пророчество.¹⁷

Христианский писатель Андреас фон Мейс предложил более 400 лет назад, что редактор, возможно, Ездра, по меньшей мере, включил объяснительные слова и фразы. Но фон Мейс тоже, говорит, что для верующих не было необходимости ссориться из-за того, чьи руки записали текст:

В действительности нет большой необходимости спорить относительно писателя до тех пор, пока мы считаем, что Бог является автором как самих событий, так и слов, с помощью которых эти события были переданы нам ...¹⁸

Проблема, представленная в этом исследовании, не в вере в откровенный или боговдохновлённый характер Библии, а в преданиях, которые люди действительно написали на пергаменте.

Незаконченное состояние анализа также не является проблемой, какой она была раньше. Конечно, все еще существуют пробелы, например: имена авторов J и E. Но, в конце концов, написание еврейской Библии заняло около тысячи лет, и еще прошли сотни лет, прежде чем христиане добавили к ней Новый Завет. Если создание этой загадки заняло так много времени, то неудивительно, что для решения ее нужно было около тысячи лет (начиная со средневековых исследователей). Значительным является также то, что открытия последних лет (литературные, лингвистические и археологические) привели нас к той стадии, когда эти знания теперь могут быть полезными.

Теперь мы можем изучить и оценить мастерство, которые было использовано при формировании каждой части книги. Мы можем оценить разнообразие человеческих знаний в течении веков, которые сделали ее настолько сложной и настолько богатой. Мы можем узнать, в какой степени отвечали части этой книги реальным потребностям и реальным жизненным ситуациям. Если мы говорим, что книга является великой, то мы можем лучше понять, что сделало ее великой.

Чтение Библии никогда не будет совершенно таким же, как прежде. Учитывая чрезвычайные истории Библии и ее итоговую сложность, мы можем – и, наверное, должны – читать книгу с новой глубинной благодарностью. Мы можем читать страницу Библии и знать, что три или даже четыре человека, все мастера, сотрудничали в составлении этой страницы, создавая её исходя из собственных знаний, из своих исторических моментов, разделенные столетиями. И в то же время, мы можем читать ее так как есть, чтобы насладиться этим повествованием, чтобы учиться у нее, чтобы узнать, как же другие понимали ее в течении тысячелетий.

Для тех из нас, кто читал Библию как литературу, новые знания должны привести новое знакомство с лицами, которые написали ее, новый путь к оценке их творчества, а также новое восхищение от конечной красоты и сложности этой книги.

Для тех из нас, кто читал ее ради знакомства с историей, это занятие постоянно открывает нам новые пути для открытий, которые состоялись в разные исторические моменты, а также новое понимание того, как лица в библейском обществе реагировали на эти моменты.

Для тех, кто считает Библию священной, это может означать новые возможности толкования, и это может означать новый трепет перед великой цепью событий, лиц и веков, которые были так неразрывно собраны вместе для создания несравненной поучительной книги.

И для всех нас, живущих в этой цивилизации, в формировании которой Библия сыграла столь важную роль, она может быть способом держать нас больше в контакте с людьми и силами, которые влияют на наш мир.

Вопрос, в конце концов, не только в том, кто писал Библию, но и в том, кто ее читает.